

- Нет, - подумал Чжоу Цыбай. - Я же не хотел посмотреть на поясицу Гу Цзицина в том смысле, как подумали! С чего меня записали в подозрительные геи?

Наконец осознав это, он быстро отвел взгляд, покраснев до кончиков ушей, и торопливо, хотя не слишком уверенно, пробормотал:

- Я просто переживал, что ты ушибся...

- Да, я знаю, - не дав ему договорить, Гу Цзицин кивнул с выражением «ну конечно, а как иначе?».

Чжоу Цыбай, поняв, что снова нафантазировал лишнего:

...

Черт.

Наверное, это все Лу Пин виноват.

Иначе с чего бы ему целыми днями лезть в голову всякая ерунда?

А Гу Цзицин, заметив, как шея Чжоу Цыбая вновь залилась румянцем, решил, что тот просто стесняется спросить о травме, и мягко произнес:

- Не волнуйся, я уже нанес мазь. Все в порядке.

- А? О... Ну и хорошо.

Чжоу Цыбай буркнул в ответ и замолчал. Ему было неловко до дрожи, и, чтобы отвлечься, он схватил эластичный бинт, пытаясь перемотать лодыжку. Но как ни старался - края отклеивались, складки топорщились.

Спустя десять минут безуспешных попыток он с досадой сорвал бинт.

Гу Цзицин поднял глаза как раз в момент, когда Чжоу Цыбай, словно капризный ребенок, швырнул его в сторону.

- Помочь? - спросил он просто так, между делом.

Чжоу Цыбай уже хотел отказаться, но Гу Цзицин добавил ровным тоном:

- Если неправильно зафиксировать лодыжку, отек усилится.

...

И вот Чжоу Цыбай, который полчаса назад клялся, что скорее хромым останется, чем станет обременять Гу Цзицина, покорно подтянул ногу. Закатав штанину, он обнажил голень - с четкими линиями мышц, крепким ахиллом и здоровым загаром.

Гу Цзицин, когда-то учившийся рисовать, с чисто эстетической точки зрения отметил:

- У тебя красивая голень.

Это была обычная для него вежливая похвала.

Но Чжоу Цыбай моментально напряг все мышцы.

Гу Цзицин не обратил на это внимания, лишь аккуратно обернул лодыжку бинтом. Его прохладные пальцы скользили по коже, оставляя легкое покалывание. Бинт ложился идеально - куда лучше, чем у спортивного врача.

А Гу Цзицин, склонившись, с опущенными ресницами, прикрывавшими родинку, казался невероятно... нежным.

Отчего у Чжоу Цыбая на миг участился пульс.

Осознав это, он резко отвел взгляд.

Как он может реагировать так на мужчину?!

Наверное, все из-за сходства Гу Цзицина с той девушкой.

Той зимой в Наньу, после драк, она тоже перевязывала ему раны. Тогда он был пухлым мальчишкой-новичком, которого дразнили и травили. Лишь она одна говорила: «У тебя красивые глаза. Вырастешь - станешь прекрасным. Не грусти. Стань сильным, и никто не посмеет тебя обижать».

Он так и не узнал ее имени, но чувство первой влюбленности не забыл. Потому и потерял голову при встрече с Гу Цзицином. А сейчас - просто перенос чувств. Точка.

Однако Гу Цзицин действительно заботился о нем. И не делал ничего дурного. Вся его резкость была лишь из-за предубеждений.

- Прости, - внезапно вырвалось у Чжоу Цыбая.

Гу Цзицин вопросительно поднял глаза.

- Раньше я... вел себя грубо из-за своих заморочек. Это не твоя вина.

Сказав это, он уставился в стену, всем видом показывая: «Не отвечай. Давай забудем».

Гу Цзицин молча смотрел на него три секунды, потом усмехнулся:

- Чжоу Цыбай, тебе часто говорят, что ты милый?

Конечно нет! Кто назовет «милым» парня под два метра?!

Чжоу Цыбай снова закипел от стыда, но, обернувшись, увидел, как Гу Цзицин, слегка улыбаясь, завязывает аккуратный узел. И злость растаяла.

- Проверь, удобно ли.

- ...Нормально.

- Тогда я продолжу писать статью.

Гу Цзицин повернулся к столу, не проявляя ни капли интереса. Чжоу Цыбай, стиснув губы, запер печенье в ящик и взял книгу.

В выходной зимний день в кампусе Цинхуа царил холод и суета, но в комнате было тихо и тепло. Без воплей Лу Пина за игрой и слащавых разговоров Чэнь Цзи с девушкой.

Чжоу Цыбай неожиданно проглотил целый роман. Закрыв книгу, он сдавленно кашлянул. Кашлял уже не раз за вечер.

Гу Цзицин взглянул в окно: небо потемнело, тучи нависли низко – скоро пойдет снег. На телефоне – восемь вечера и двадцать пропущенных. Он удалил их, надел пальто и спросил:

- На ужин возьму свиные ребрышки в кисло-сладком соусе. Я люблю кисло-сладкое.

«Ребрышки так ребрышки, зачем „маленькие“?» – подумал Чжоу Цыбай, все еще дуюсь на слова про «милого», и сухо протянул карточку:

- Бери мою.

Его брутальная внешность в сочетании с такой серьезностью напоминала холодного СЕО из романов. Жаль, что даже попросить купить еду он не мог без стеснения.

Гу Цзицин едва заметно улыбнулся, взял карту и контейнер, вышел.

Перед Общежитием №1, в конце аллеи, стоял Хэ Чанчжи. Его глаза покраснели – то ли от холода, то ли от слез.

- А-Цзи! – позвал он, шагнув вперед.

Гу Цзицин приблизился, остановившись в шаге.

- Говори быстрее. Еда остынет.

Хэ Чанчжи протянул руку, но Гу Цзицин отстранился. Тогда тот вцепился ему в запястье, притянув к себе:

- Я ради тебя порвал с Цзянь Лин, признался всем, что я гей! Примчался из дома, а ты даже взглянуть не хочешь?!

Гу Цзицин спокойно ответил:

- Я советовал тебе расстаться, потому что нельзя обманывать девушку. Но это не обязывает меня к чему-то.

- Но до тебя никто не знал, что я гей! Я мог притворяться нормальным всю жизнь! – голос Хэ Чанчжи дрожал.

Гу Цзицин смотрел на него, как на устаревший анекдот.

- А-Цзи... Ты правда никогда меня не любил? А зачем тогда был так добр?!

- Доброта не равно любви. Ты хорошо ко мне относился как сосед – я ответил тем же. Не люблю быть в долгу.

Хэ Чанчжи задохнулся:

- Значит, любой, кто проявит к тебе доброту, получит то же?!

Гу Цзицин задумался, затем искренне произнес:

- Скорее, даже те, кто плох ко мне, получают доброту в ответ.

С пяти лет, когда мать привела его в семью Суней и велела «стать ребенком, которого полюбят», это превратилось в привычку. Быть хорошим – легко. Не нужно вкладывать чувства.

Поэтому Гу Цзицин не понимал, как кто-то мог воспринять это всерьез.

- Я всё сказал достаточно ясно, – голос Гу Цзицина вновь обрёл привычную мягкую расслабленность. – Надеюсь, мы оба останемся взрослыми людьми. Мне нужно отнести ужин, пока не остыл.

Его тон был безупречно спокойным.

Он повернулся, чтобы уйти.

Но Хэ Чанчжи уже не мог сдерживаться.

Почему это Гу Цзицин всё начинает, всё заканчивает и остаётся равнодушным?

- Гу Цзицин! – он рванул его назад, прижав к стене. – Я тоже был твоим соседом! Ты и мне носил еду! Что я сделал не так, что ты всё разорвал?!

Будучи игроком баскетбольной команды, Хэ Чанчжи действовал грубо. Даже через пуховик был слышен глухой удар спины о бетон.

Гу Цзицин слегка сморщился.

Хэ Чанчжи тут же пожалел, открыл рот для извинений – но в следующий миг чья-то рука впиалась ему в плечо, отшвырнув назад.

Высокий парень едва удержал равновесие.

- Разговор словами, а не руками, – прозвучало холодно.

Хэ Чанчжи, готовый взорваться, узнал Чжоу Цыбая и сдержался:

- Это между мной и Гу Цзицином. Тебя не касается.

- Теперь он мой сосед. Значит, касается.

- Ты же гомофоб! – язвительно бросил Хэ Чанчжи.

- Я против тех, кто навязывается и создаёт проблемы, – Чжоу Цыбай стоял как стена, прикрывая Гу Цзицина. – Неважно, гей они или нет.

«Навязчивый гей» – эти слова заставили Хэ Чанчжи сжать кулаки. Но он знал: Чжоу Цыбай в гневе опасен, как дикий зверь. Схватка не стоила риска.

- А-Цзи... – он смягчил тон, обращаясь к Гу Цзицину. – Прости, я погорячился. Но с ним тебе неудобно жить. Вернись, я буду держать дистанцию...

Эти слова подчеркивали их прошлую близость.

Гу Цзицин же просто ответил:

- Мне хорошо в новом общежитии. А извинения побереги для Цзянь Лин.

Он снова повернулся. На этот раз Хэ Чанчжи не посмел последовать - Чжоу Цыбай заблокировал путь, кивнув на камеры наблюдения:

- Хочешь публичного скандала?

Хэ Чанчжи, побледнев, ушёл.

Чжоу Цыбай, хмурый, догнал Гу Цзицина на повороте. Тот ждал, спросил тихо:

- Не больно?

Конечно, больно! Увидев Хэ Чанчжи с балкона, он, не раздумывая, бросился вниз, наступив на травмированную ногу. Теперь лодыжка горела огнём.

- Нормально, - сквозь зубы процедил Чжоу Цыбай. - Просто за посылкой спускался.

Он всегда поджимал губы, когда врал. Гу Цзицин заметил, но не стал указывать, лишь улынулся:

- Всё равно спасибо.

- Я не для тебя! - Чжоу Цыбай вспыхнул. - Просто ненавижу подлых и слабых, кто обижает других.

Другие звучали бы фальшиво. Но его серьёзность была искренней. Видимо, из-за слухов о легкомысленности Гу Цзицина он сначала сторонился, но всё же помог - не выдержал вида «несправедливости».

«Настоящий праведник», - мысленно усмехнулся Гу Цзицин, представив малыша Чжоу с красной звёздочкой на груди.

Чжоу Цыбай, заметив улыбку, нахмурился сильнее:

- Тебе смешно? Поклонник до общежития допёр, а ты...

Он резко развернулся, чтобы уйти, но вспомнил про контейнер. Вырвав розовый термос из рук Гу Цзицина, буркнул:

- Руки в карманы. Замёрзнешь - Шэнь Чжао мне голову оторвёт.

Попытался уйти гордо - но споткнулся на больной ноге.

Гу Цзицин рассмеялся.

Чжоу Цыбай, пунцовый, обернулся:

- Гу Цзицин, ты мог бы...

И застыл. Перед ним висел маленький пакетик с сиропом от кашля и конфетами.

- Не дразню, - Гу Цзицин стоял под фонарём, щёки розовые от холода. - Просто купил тебе

лекарство.

В его глазах, ясных и тёплых, отражались два крошечных Чжоу Цыбая – без намёка на игривость.

Гнев растаял. Чжоу Цыбай, краснея, пробормотал:

- Может, хватит называть меня «милым»...

<http://bllate.org/book/14413/1274335>